

РЕЦЕНЗИИ

© 2002 г., ЭО, № 4

О.В. Чернышева. Шведский характер в русском восприятии. М., 2000. 177 с.

Рецензируемую книгу трудно отнести к какой-либо традиционно устоявшейся категории. Если судить по широте заявленной темы, использованию обширного массива как известных, так и впервые вводимых в научный оборот архивных материалов, привлечению обширной мемуарной литературы, путевых заметок, работ шведских и русских авторов, постановке проблем и подходам к их решению – это, безусловно, научное, «серьезное» издание. Но книга написана столь живо и так легко читается, что оторваться от чтения удается, только закрыв последнюю страницу. Нам хочется особо подчеркнуть это ценное для научной работы качество – доступность изложенного материала для восприятия массового читателя.

Крупнейший специалист по истории Скандинавии, А.С. Кан справедливо подчеркнул в своем предисловии к шведскому изданию книги, что работы по Швеции, написанные «зарубежными» историками (в данном случае это российский ученый) имеют одну примечательную особенность – они помогают шведским исследователям создать более объемную и полную историческую картину с новыми деталями. Это тем более важно иметь в виду, поскольку имеется большое количество замечательных работ шведских авторов, посвященных шведской этнологии, но даже на этом фоне книга О.В. Чернышевой выделяется интересным подходом к исследованию материала, уникальным, зачастую впервые введенным в научный оборот, массивом источников. Автор использует свидетельства представителей одного народа, одной страны (России) о другой стране (Швеции), что позволяет увидеть традиционные проблемы с новой точки зрения, предвзятые взгляд российских современников на соседнюю Швецию на протяжении XIX–XX вв.

В течение многих десятилетий российские дипломаты, ученые, путешественники, писатели, попадавшие в Швецию, делились с современниками своими наблюдениями, пытаясь понять причины возникновения тех или иных явлений и традиций в стране. И, что замечательно, зачастую очевидцы выделяли те черты характера и быта шведов, которые вызывали у них удивление и уважительное отношение. Многие особенности современного шведского характера, позволившие построить существующее сегодня общество с его сильной социально-экономической структурой и достичь столь значительных успехов, имеют мощные корни в прошлом. Автору на материале источников (а также на собственном опыте) удается проследить и вычленить основные типологические черты характера шведов, и данное исследование превращается в интереснейшее, порой захватывающее чтение.

Сама книга О.В. Чернышевой позволяет не только поставить, но и в значительной степени найти ответ на вопрос – существует ли особый шведский характер, в чем он заключается и, наконец, по какой причине шведский национальный характер, его особенности могут представлять и представляют интерес для нас, россиян. Для иллюстрации сказанного мы приведем один красноречивый факт. В Швеции в 2001 г. вышел перевод рецензируемой книги. В шведском издании название книги О.В. Чернышевой звучит иначе – «Ärlig och arbetsam. Bilden av Sverige och svenskarna i 1800'och 1900 talets Ryssland» (Stlm, 2001. Historiskt arkiv 19), что дословно означает – «Честный и работающий. Швеция и шведы в XIX и XX веках глазами русских». В шведском переводе названия, имеющем, как мы видим, отличия от русского оригинала, нашли отражение типичные черты «шведского менталитета», определяющего особенности национального сознания, быта, традиций. Одно из наиболее важных качеств шведского характера, которое отмечали российские авторы, – честность в работе, честность и последовательность в соблюдении общественных норм и правил, честность в межличностном общении. Другое важное для понимания шведов качество, отмечавшееся всеми авторами воспоминаний и заметок, – удивительная работоспособность, трудолюбие, что позволило в итоге создать существующую ныне общественную систему.

Отмеченные качества характера в совокупности с рядом других черт позволили шведам занимать достойные места и в тех странах, куда они по разным причинам эмигрировали (это в первую очередь Америка – волна шведской эмиграции начала XX в.). Все свидетельства, касающиеся описания Швеции XIX – начала XX в., отмечают влияние национального характера на стиль и темп общественной жизни страны. Важнейшими составляющими элементами характера шведов являются дисциплинированность, склонность к компромиссу (а не противостоянию), сдержанность в проявлении чувств, умение четко и рационально организовать труд на производстве и в домашнем хозяйстве. Интересны наблюдения автора (как ее собственные, так и основанные на источниках), свидетельствующие, что даже шведский риксдаг (парламент) в силу сдержанности национального характера работает, как правило, очень размеренно и спокойно.

В книге О.В. Чернышевой наметен ряд тем, разработка которых может быть чрезвычайно интересна и

перспективна. Так, отдельный и, к сожалению, не получивший должного развития, а только пунктирно намеченный сюжет – это шведские колонии, общины шведских поселенцев в России, существовавшие со времен Северной войны (начало XVIII в.), поселения шведов, созданные по указу Екатерины, шведские иммигранты XIX–XX вв. Знакомство с историей и жизнью шведских колоний, к примеру, в Петербурге и Москве, предоставляет богатые возможности для понимания шведского характера. Шведы и на чужбине сохраняли обычаи, привычки, традиции своей родины. Автор упоминает о существовании компактного шведского поселения и на юге России – с. Змеевка (б. Старошведское) недалеко от Херсона, куда до сих пор несколько раз в год приезжают из Швеции лютеранские священники, чтобы совершить там обряд лютеранского богослужения (с. 22). Также отдельной перспективной темой исследований, которая лишь намечена в книге, может стать изучение деятельности выходцев из Швеции, обосновавшихся на русском Севере и Северо-Западе, в различных областях производственной и общественной жизни.

Работа О.В. Чернышевой позволяет наметить и направление возможных исследований в области изучения формирования этнического состава современного населения Швеции. Так, начиная со средних веков и на протяжении Нового времени в страну переселялись немцы, голландцы, валлоны, шотландцы, финны, которые влились в шведский народ, привнес в культуру этого народа и некоторые свои традиции. Представляется, что это интересная и перспективная тема для последующего изучения.

Особо необходимо отметить, что книга О.В. Чернышевой не только интересна и познавательна, но и способствует лучшему пониманию многих современных шведских реалий. Так, к примеру, автор увлекательно, с любопытными историческими экскурсами рассказывает об истории возникновения столь популярного сегодня во всем мире «шведского стола». Оказывается, что даже само появление этого феномена стало возможно только благодаря национальным чертам характера и быта шведов – честности, опрятности, аккуратности, уважению к правам других людей и соблюдению норм общежития. Эти качества позволили шведам уже в XIX в. на промежуточных транспортных станциях устраивать для путешественников «открытую еду»: гости ели столько, сколько хотели, сами подсчитывали цену съеденного и сами клали деньги, предназначенные на оплату еды, в специальное место.

Возможно, приведенное ниже высказывание из воспоминаний русского путешественника конца XIX в. в определенной степени поможет понять особенности характера и жизни шведов: «Честны и законны скандинавы не потому, что они по натуре своей великодушнее и справедливее нас, русских, а потому, главным образом, что их воспитывает в привычках честности и законности строго соблюдаемый закон, одинаково обязательный здесь для богатого и бедного, для власть имущего и простого смертного» (с. 38). Представляется заслуживающим внимания и тезис автора книги о том, что именно уважение и соблюдение действующих законов гражданами страны и сделало их честными.

Шведы, как свидетельствует история, ничем не отличались от других народов – в средние века здесь так же воровали, обманывали, хулиганили. Однако постепенное укрепление в жизненной практике норм буржуазной морали, развитие экономики, становление и укрепление буржуазно-правового государства способствовали не только укреплению прав индивида, его обязанностей перед обществом и государством, но и государства и общества – перед гражданами. Таким образом, в истории становления шведского общества и государства нет ничего данного свыше: экономика страны развивалась благодаря трудам своих граждан.

С другой стороны, именно этот процесс опосредованно влиял и на самих граждан, укрепляя и развивая нормы общественной морали и поведения в частной жизни и на производстве, в экономике – честность, обязательность, добросовестность – качества, которые поддерживались лютеранской церковью и были необходимым условием развития и процветания как всей страны в целом, так и отдельных ее граждан. Однако очевидный вывод книги состоит именно в том, что особенности шведского характера, честный и добросовестный труд – необходимые условия благополучия и процветания как отдельного гражданина, так и всего общества. Шведский менталитет (хотя автор практически не пользуется этим термином) не является неким умозрительным образованием, а представляет собой вполне конкретное и очевидное сочетание качеств характера, которые и лежат в основе общественной морали, системы общественных отношений.

Автор, к сожалению, многие темы наметила лишь пунктиром, и нам остается ждать дальнейших публикаций, представляющих интерес как для специалистов – историков, этнологов, филологов, так и для самого широкого круга читателей. О.В. Чернышева обозначила в общих чертах и такую важную и интересную сторону жизни шведского общества, как положение женщины, ее роль в семье и обществе в данный исторический период.

Именно знакомство с историческими корнями позволяет лучше понять и причины современного положения шведок. Так, к примеру, в Швеции еще в XIX в. было распространено совместное обучение девочек и мальчиков в школе, а впоследствии и в высших учебных заведениях. Женщины во второй половине XIX в. имели право и реальную возможность занимать должности на учебных кафедрах (известно, что Софья Ковалевская была профессором Стокгольмского университета и даже возглавляла кафедру математики).

Автору удалось сделать очень интересную и примечательную вещь – с помощью уникальных источни-

ков, в том числе личных воспоминаний многих русских деятелей, воссоздать картину формирования национального характера шведов на протяжении XIX в. Благодаря этому становятся понятны истоки тех или иных традиционных черт характера. Так, особо обращается внимание (посредством привлечения, скажем, мемуаров С. Ковалевской) на такие черты характера шведов, как сдержанность и своего рода замкнутость. В целом пример С. Ковалевской свидетельствует о том, что многие российские деятели, связанные в той или иной степени со Швецией, становились впоследствии, как бы мы сегодня сказали, популяризаторами и проводниками культуры этой страны, что, в конечном итоге, способствовало укреплению русско-шведских культурных связей, росту активного интереса к северному соседу, попыткам понять истоки и причины культурной, экономической и общественной специфики развития страны. Представляется заслуживающим особого разговора тезис автора о влиянии шведской литературы на современную ей русскую литературу.

В рецензируемой книге также нашли отражение и вопросы социально-экономической истории. Необходимо напомнить, что в конце XIX – начале XX в. Россия и Швеция были достаточно крупными торговыми партнерами, имеющими интенсивные торгово-экономические и технические связи. Между Россией и Швецией издавна существовали взаимные потоки мигрантов, с конца XIX в. ставшие особенно значительными. Уместно вспомнить, что в конце XIX – начале XX в. из Швеции в США была выброшена довольно большая волна эмигрантов (в 1910 г. в США насчитывалось более 650 тыс. выходцев из Швеции). Следует отметить, что шведские иммигранты оседали и в России, причем в этот период (в отличие от XVIII в., когда среди шведов в России большинство составляли ремесленники и мастера высокой квалификации) преобладали инженеры, администраторы, механики, специалисты с высшим образованием. Приезжали они, как правило, с семьями и «оседали» в крупных городах. С начала XX в. (после событий 1905 г. и впоследствии) Швеция, в свою очередь, также приняла довольно значительный поток российских эмигрантов.

Вопрос об истоках формирования шведского национального характера для русских авторов был далеко не праздным, и они пытались дать на него ответ. Но читатель и сам на страницах книги найдет ответы на этот и другие интересующие его вопросы. Однако нам представляется важным отметить следующий факт – распространение всеобщей грамотности в стране, существование большого числа церковно-приходских школ. По данным автора, на рубеже XIX–XX вв. в Швеции было 98% грамотного населения. В этом контексте представляется интересным замечание автора об истоках идеи «дома народа», пропагандируемой социал-демократами и получившей широкое распространение позднее, в 20-е – 30-е годы XX в. Еще одна черта характера шведов, на которую обращает внимание О.В. Чернышева, – рационализм. Так, к примеру, шведы задолго до начала Второй мировой войны предпринимали меры по подготовке народного хозяйства к возможной изоляции от внешних рынков. Впоследствии это оказало значительное влияние на состояние экономики страны и положение граждан во время войны.

Объективно описаны и негативные черты характера шведов. В частности, это своего рода «недостатки как продолжение достоинств». Так, «организованность и педантизм порождают бюрократизм, уважение к закону ведет к консерватизму, а патриотизм и национальная гордость оборачиваются самодовольством и шовинизмом» (с. 79). Мы привели эту цитату, чтобы читатель понял: книга О.В. Чернышевой – не панегирик Швеции и шведам, а живое, интересное и, самое главное, комплексное исследование, в котором прослеживается связь истории и современности, архивов и сегодняшнего дня.

Автор наметила очень интересную тему – истоки шведской идентичности. Так, накануне Первой мировой войны в одном из шведских журналов была опубликована статья по материалам полевого исследования, в центре которого находилось компактное шведское население одного из островов Моонзундского архипелага. Было отмечено, что они сохранили язык, традиции, другие национальные этнографические особенности. Но некоторые черты характера отличали этих шведов от шведов на материке, причиной чему было то, что островные шведы столетиями работали не на себя, а на помещика. В результате у них не сформировалось привычки к добросовестному труду, а в характере отмечались черты, не свойственные основной массе шведов (с. 85–86).

Книга О.В. Чернышевой – существенный вклад как в изучение наших соседей, понимание их истории, культуры, политики, экономики, так и в целом в развитие российско-шведских научно-культурных связей. Следует особо отметить, что книга представляет интерес не только для русского читателя-специалиста – историка, этнолога, филолога, просто интересующегося проблематикой Скандинавии, но и для самих шведов. По прочтении книги у читателя складывается портрет шведов, созданный русскими авторами и самой О.В. Чернышевой, причем созданный очень доброжелательно, с мягким юмором.

В то же время рецензируемая книга представляет собой фундаментальное научное исследование. Проблема изучения национального характера, да и в целом вопрос, есть ли вообще такое явление, в чем причины и истоки его формирования и существования, как он влияет на общественно-политическую и экономическую жизнь страны, привлекают в последнее время все большее внимание ученых. И это закономерно. Книга О.В. Чернышевой, благодаря свидетельствам как наших предшественников, так и современников наглядно показывает, что на формирование национального характера шведов сильное влияние оказали традиции личной свободы, доверие к представителям власти.

Нельзя не согласиться с автором книги, когда она пишет о том, что интерес русских авторов XIX–XX вв. к шведам – свидетельство пристального и искреннего интереса к соседям и к их опыту, попыток понять, почему те живут и работают так, а не иначе, в чем причина стабильной жизни шведов – в природе, традициях, истории? О.В. Чернышева ставит и во многом решает вопрос о том, какое значение имеет национальный характер для социальной и экономической истории страны, в какой степени он определяет ее место на исторической арене.

Е.А. Сорокина

© 2002 г., ЭО, № 4

Lev Shternberg. The Social Organization of the Giluak / Ed. with Foreword and Afterword by B. Grant // Ser. «Anthropological Papers of the American Museum of Natural History». N. Y., 1999. № 82. 280 p.

Впервые на английском языке опубликован классический труд Л.Я. Штернберга, посвященный вопросам социальной организации нивхов (гиляков). Рукопись предполагалось издать в трудах Джебупповской экспедиции, но по разным причинам, о которых подробно пишет американский биограф Штернберга С. Кан, она не вышла в свет¹. Долгое время текст хранился в архиве Музея естественной истории в Вашингтоне, США. Непростой редакторский труд по окончательной подготовке рукописи к публикации взял на себя Б. Грант, в начале 1990-х годов, спустя столетие после Штернберга, изучавший жизнь и культуру нивхов Сахалина². Новый проект вновь привел ученого в Россию, – в Москву, С.-Петербург, на Сахалин. Появлению книги предшествовало почти сто лет, понадобились участие многих ученых, в частности, Ф. Боаса, А. Гольденвейзера, Е.А. Крейновича, Ю.А. Петровой-Аверкиевой, С.А. Ратнер-Штернберг, переводчиков, усилия разных организаций. Рукопись «обросла» историей, которая отражена в предисловии и введении к книге.

Книга, состоящая из 16 глав, снабжена библиографическими данными, словарями терминов, этнонимов, таблицами, картами, фотографиями, благодарностями и всеми необходимыми атрибутами, которые отличают академическое издание и свидетельствуют о большой подготовительной работе. В приложениях читатель сможет найти библиографию трудов Штернберга, в том числе редко упоминающиеся энциклопедические статьи (с. 266–268).

Кратко скажем о предшествующих трудах Штернберга, которые дают достаточно полное представление о содержании «нового» труда классика российской/советской этнографической и этнологической науки.

Современные историки, этнографы, этнологи, антропологи хорошо знают творчество Л.Я. Штернберга – крупного ученого, придерживавшегося эволюционистских взглядов, в значительной степени вследствие известного заочного знакомства этого автора с Ф. Энгельсом (последний написал Льву Яковлевичу письмо, познакомившись с его открытием группового брака у гиляков)³. Это «открытие», как и описание других особенностей социального строя нивхов (гиляков), сделанное Штернбергом во время отбывания десятилетней ссылки на о-ве Сахалин, было началом его научной деятельности.

Находясь на положении ссыльнопоселенца, Штернберг с 1891 г. проводил статистико-этнографические исследования на Сахалине. За период восьмилетней административной высылки он собрал уникальные полевые материалы по языку, фольклору, общественной и религиозной жизни гиляков (нивхов). Результаты его исследований начали публиковаться в России еще в 1893 г.⁴ Работая старшим этнографом Музея антропологии и этнографии, он опубликовал новые материалы по нивхской этнографии и фольклору⁵. Три монографии Штернберга увидели свет уже после его смерти, благодаря ученикам и последователям ученого. В частности, две монографии подготовил к печати и опубликовал в 1933 г. Я.П. Алькор (Кошкин)⁶.

Для историков, этнографов, археологов книги Штернберга о нивхах стали открытием ранних стадий развития общества, брачной системы и своеобразного родового строя. Богатые фактические материалы были собраны в основном методом опроса и интервью. Что касается научного мировоззрения, методологии Штернберга, то они были эклектичны. Эволюционист, последователь Моргана, Тэйлора и Энгельса во взглядах на развитие общественных институтов, Штернберг, по мнению С. Кана, в трех последних главах рецензируемой книги, посвященных функционированию нивхского рода и его религиозной жизни, более показал себя последователем Дюркгейма и Мосса⁷. Труды Штернберга на многие годы наметили направления дальнейших исследований советских ученых, определили особый интерес к истории первобытного общества, проблемам социальной организации. Но они же сыграли роль «тормоза» в разработке проблем родства: исследования в советской этнографии вплоть до 1960-х годов шли в русле построений Моргана–Энгельса. В рамках структуралистских, постмодернистских теоретических подходов многие из по-